

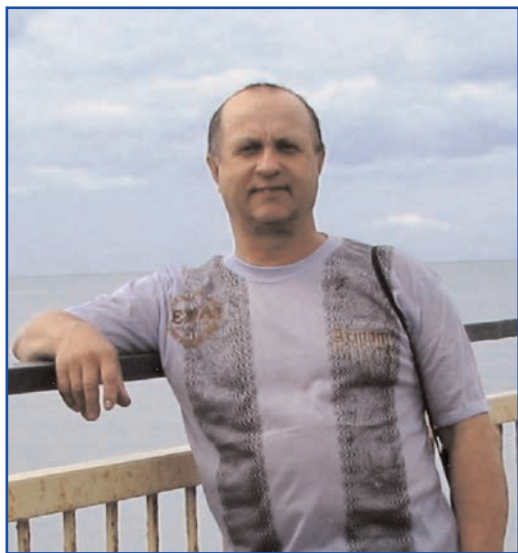
Анатолий Петрушко

**За семь минут
прошли
три века**

(Камышлов из окна автобуса)

Поэма-экскурс

Камышлов, 2010

Предисловие

Уважаемые, читатели, мысль, написать историю города в стихах, зародилась у меня давно, останавливал страх неподъёмности темы. Обширный фактический материал по отдельным периодам становления города и полное отсутствие данных по другим, разрывали целостную картину эволюции городского сообщества, начиная от его зарождения. На направленность содержания поэмы оказала влияние моя работа в Центре по охране и использованию памятников истории и культуры. Проезд по городу на автобусе с остановками я использовал как приём, позволивший мне объединить темы улиц и событий с мыслями-отступлениями и сохранить единство содержания.

Я пишу поэму-экскурсу так, как представляю себе это. Здесь нет полного рассказа по истории города, скорее, экскурсия по старой его части. Кто-то может со мной не согласиться в трактовке событий и точности фактов. Возможно, кто-нибудь надумает написать иначе. Дай Бог. В окончательном варианте я постарался учесть замечания и поправки первых читателей-критиков моих черновиков, за что им благодарен.

С уважением:

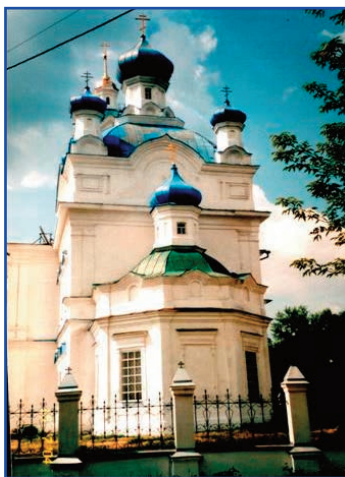

За семь минут прошли три века
(Камышлов из окна автобуса)

Прошёл автобус по мосту,
Поднялся в горку у собора,
Въезжая в первую версту,
С которой начинался город.
Стоит собор, как вечный «столп»,
Как часовой у входа в Лету,
Увы, здесь нынче нету толп
И мало помнят о заветах.
Он, в очередь уж триста лет,
От первой маленькой церквушки,
Несёт, как может, божий свет,
Что юной деве, что старушке.
Душой приходят отдохнуть,
Проверить верой свои силы,
Тихонько близких помянуть,
Когда-то отнятых могилой,
Свечой здоровья пожелать,
К святому сердцем обратиться.

И снизойдёт вдруг благодать
Душе, уставшей суетиться.
Собор не балован судьбой,
С рожденья «болен» был провалом,
Но, возвратился снова в строй,
Чтоб пастве в жизни легче стало.
Потом решением властей,
Но как бы «волею народа»,
Его закрыли без затей
На шестьдесят аж с лишком года.
Затем опять судьбы виток,
Власть по-другому повернулась.
Таков имеем мы итог;
В соборе вера вновь проснулась.
Он был развалиной вчера,
Сегодня - в злате и с крестами,
Вновь звон поплыл по вечерам,
Чтоб вспоминать молитвы стали.
Я в девяностых наблюдал,
Вдруг тормозили иномарки,

Люд выходил и застывал,
Тогда был храм душе подарком.
Глаз забывает краски дня,
Живёт собор, и мы привыкли
Жить, что имеем, не храня,
На «матерьяльном» ли зациклясь.
Но, кто же мы, в конце концов?
Кто жизнь дал улицам и граду,
Кто был отцу отца отцом,
Нам эстафету сдав в награду?

* * *

Был берег крут, теперь не то,
Рогоз-камыш рос буйно в пойме,
В заречье бор, годов за сто,
Он многое чего мог вспомнить;
Следы неведомых людей,
Народы, канувшие в Лету,
И осторожный бег зверей...
«А красовитей места нету»,
Писал казак и бил челом,

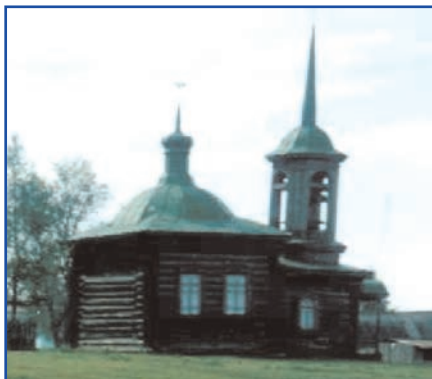

Мол, де: «Сыскал острогу место».
И получил вдогон потом:
«Сыскал, так строй, острог известно».
С Ирбита и Пышмы речной,
Крестьяне, казаки, бродяги,
В бору, морозною порой,
Валили лес, впрягались в тяги,
В бега бросались, но бревно
К бревну вставало на угоре...
Шла стройка нервно, не в кино,
Какая радость, просто горе.
Так, неподъёмно - тяжело,
Через кнуты, средь слёз и мата,
Вставали стены, лёг заплот,
Наш Камышлов возник когда-то.
Века, мой друг, не сохранили
Нам место первого острога.
Что деревянное, то сгнило,
А крутояр снесла дорога.
Когда въезжаешь через мост,
Земляк мой, вспомни годы эти,
Здесь был острог и был погост,
И избы, и с товаром клетки.

Тут Будаков Семён решал,
Быть иль не быть сему селению,
Сюда работных пригонял,
По Верхотурья повелению.
Здесь кровью пролилась земля,
Здесь слобода росла посадом,
Ещё по чёрному дымя,
Ещё с опаской и оглядом,
Рождался малый городок.
Рождались и ломались судьбы,
Всему на свете есть свой срок,
Ему подвластны страны, люди.
Была дорогою река,
Водой Сибирь снабжалась хлебом.
Торговля, как во все века,
Шла за строителями следом.
Так расширялась слобода,
Мир наступил, ушла тревога,
Быстрее жизнь пошла, когда
Чрез Камышлов легла дорога.
Он был острогом, слободой,
От кочевых башкир защита,
Но, из сажени стал верстой,
Из ничего вошёл в элиту
Российских малых городов.
В Указе памятном царицы
Был герб пожалован за то,
Что он уезда стал столицей.

Тот Камышлов был неказист,
Был он приземист и некрашен,
В зной пылен, вёснами нечист,
Одною церковью украшен.
И всё ж, долиною речной,
На радость путников усталых
Плыл звон вечернею порой,
И это, очень ободряло...
Потом он получил генплан,
Подписан был императрицей.
По плану был он квадропрям,
Как и положено «столице».
Вот так, за строчкою строка,
Мы сотню лет перелистали,
Собор проехали пока,
На век мы сразу старше стали.

* * *

Идёт автобус по Сибирской,
Чем не название, ей же-ей,
Какой-то Энгельс, мне неблизкий,
Владеет улицей моей.
Какая горькая насмешка,
Начать всё с чистого листа.

А может цель диктует спешку:
«Вот, Коммунизм- это мечта!»
И Карлы, Яковы и Розы,
Авантюристы всех мастей,
Ну, право слово, смех сквозь слёзы
Пришли решением властей.
Пришли в названия наших улиц,
В названия городов и сёл,
Кто с кепкой, кто в очках сутулится,
И в камне вечность приобрёл.
Как эпидемия холеры,
По телу расплозились страны.
И осквернили память, веру,
Кровавым пиром Сатаны.
И нет Ильинской, нет Торговой,
Нет Шиповаловской, зато,
Живёшь ты ныне на Свердлова,
Да и на Маркса может кто.
А может правда, мы -Иваны,
Родства непомнящие суть,
Иль равенства идеей пьяные,
Мечтою ли какой-нибудь.
Не объясню я факт известный,
Возможно, связи есть причинные,
Ведь не рискуют власти местные
Вернуть названия старинные.
Я думаю, когда-то сбудется,
Другие люди, в жизни новой,
Когда история рассудит всё,
Пройдут, к примеру, по «Торговой».

* * *

«Госбанк»- кондуктор объявила,
Приостановимся на миг.
Отсюда, набирая силу,
Кирпичный город наш возник.
За деревянную заставой,
Как Павла годы начались,
Здесь полицейская Управа

И Казначейство поднялись.
А до того большой деревянной
Рос на восток наш городок,
Сосна тогда была царевной,
Дом ставили за малый срок.
И в Камышловле, и в России,
Как в сёлах так и в городах,
Одна напасть и злая сила,
С которой люди не в ладах,
Пожар, безжалостный ветрило
Разносит сполох по дворам.
Тогда отбрасывай «творило»,
Спасай скотину, скарб и хлам.
Пожары вражеским набегом
Остались в памяти людской,
Покрылись пепелища снегом,
А там и сруб прикрыт доской.
И вновь, дымят уютно печи,
Шумит за дверкою огонь,
Чуть светятся лучины, свечи,
Да вдруг всхрапнёт у яслей конь.
И всё ж, беда была бедою,
И с деревом в вечность не войти.
Вон, глины много под травойю,
Другого не было пути.
Кирпич лепили, обжигали,

Аж все окрестности в дымах,
Так капиталы возникали
В Закамышловских кирпичах.
И всем известно- выпьешь чарку,
Тут враз приходит аппетит.
На снос пошли дома, хибарки,
Кирпич идёт, кирпич царит.
По городу кипели стройки,
И ширились ряды купцов.
Пролётки, дрожки, пары, тройки,
Разбойный свист, галоп гонцов.

* * *

Ползли обозы по Сибирской,
Поскольку это путь в Сибирь,
Шли арестанты, путь не близкий
За Камнем растекался вширь.
Здесь в ссылку проезжал Радищев,
Заметки делал в дневнике
Он отмечал: « Не видел нищих,
И мост – добротный на реке».
И как-то, на исходе века,
В Суворовских уже «гостях»,
Входили в город через реку
Поляки гордые в цепях.
И в их сердцах ещё гремело
Варшавской пушечной пальбой:
«Нех, еще Польша не сгинела!»
Они готовы вновь на бой.
Немногие вернулись в Польшу,
Кто умер, кто-то обрусел,
Их Камышлов не видел больше,
Ну, кроме тех, кто здесь осел.
Наследник Александр с Жуковским
Деревней нашей проезжал.
Своим проездом, символично,
Он тему века закрывал.
И на солдат Наполеона
Дивился праздный Камышлов,

Француз, как важная персона,
Вниманье принимал и кров.
Тянулись части «декабристов»
На каторгу солдаты шли.
Как партия, так душ по триста,
Не по желанию «крест несли».
В каретах - тюрьмах офицеры,
Что посягнули на царя,
Да видно не хватило веры
В народ, по правде говоря.
Народ внимал без сострадания:
«Коль сосланы, то знать, не зря»,
Солдат жалели, подаяния
Совали в руки, говоря:
«Прими, сердешный, бог с тобою,
Не вечны будут кандалы,
Запей вот хлебушко водою,
Ведь вёрсты ваши не малы».
А позже были «передельцы»,
«Народовольцы», сколько их,
Сибири вечные сидельцы,
Рабы на каторгах глухих.
Убийцы, воры, казнокрады
В этапах проходили град.
Иных ловили за награду,
Что убегали наугад.
Когда пустили паровозы,
Сибирская притихла враз,
Ушли колонны и обозы,
Товар не нужен напоказ.
Глава истории закрыта,
Что было, кануло в летах,
Давайте вспомним, что забыто,
В делах, делишках - суетах.

* * *

Мелькнула меж домов река,
И вдоль реки односторонка
Домов, что «Кирова» пока.

Была «партийная коронка»,
Вождей давать всем имена.
И это, революций пунктик,
Всех стран: «Засеем семена
Мы новых истин, новой сути».
Пройдём по Набережной мы,
Она культурой не блистала,
Тащили мусор, шварк в камыш,
И пасся скот, его немало.
Здесь, от Ирбитской до Фроловской,
Был специфичный рынок-торг,
Гулять тут было бы неловко,
Здесь можно влезть в «лепёшку-торт».
На Набережной торговали
Скотом и мясом, тут река,
Стучал топор, им отсекали,
От туши два иль три куска.
Сюда крестьяне и казахи
Вели коров и лошадей,
А с бойни подвозили к плахам
Продукт, потребный для людей.
Увы, такая в нас натура,
Волк рядом с нами не сидел
И в поварской литературе
Рецепт уж точно, не глядел.
Но был почище уголок,
Что от Тобольской, до Ирбитской.
И летним вечером Милок
Держал Милашке зонт английский.
По вечерам здесь люд гулял,
Как у нас водится в народе,
Здесь «Ваньку» всяк себе валял:
«Ты крут, а я покруче вроде».
Домов больших здесь было мало,
Они позднее вознеслись.
Нигде ни камня, ни металла,
Просторен берег был и чист.
На берегу в лапту играли,
Зимой на льду бывал каток,

В Крещенье в проруби купались,
А надо что, зови «лоток».
От здания красного, большого,
Что Фалалеев нам возвёл,
Шли вдоль реки на мост тесовый,
Маршрут сей многих в жизни свёл.

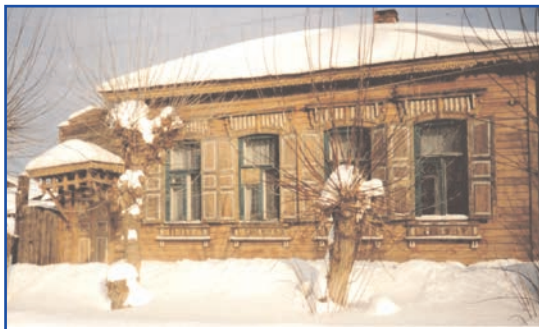

Так проходили мимо здания,
На средства строено купцов,
То ли дворянское собрание,
А может - клуб самих дельцов,
Купцы, ведь тоже были люди,
Могли здесь душу отвести;
Попьёшь чайку, вопрос обсудишь,
И легче, смотришь, «крест нести».
Потом вселили Узел связи,
Все вместе, почта, телефон,
Тогда здесь было меньше грязи,
Стекался люд со всех сторон.
Не понаслышке, сам я знаю,
Взял трубку – женский голосок,
Поскольку станция ручная,
Ей скажешь номер-адресок.

Все знали «барышни» секреты,
От скуки слыша болтовню,
Кто одинок и кто, согретый,
Аж миллион страстей на дню,
Лет двадцать, «барышень» не стало,
Их заменили кнопки, диск,
А всё же, что-то потерялось,
Общенья нет, есть зуммер – писк.
А дом стоит, совсем заброшен,
Без пола, окон и дверей,

Забвения пылью припорошен
И равнодушием властей.
А в те года здесь было людно,
По вечерам гармошка, смех,
И всё казалось просто чудным,
Как в юности у нас у всех.
Как и сейчас, в прибрежной иве,
Весной старались соловьи,
И город был таким красивым,
Весь мир, казалось, был твоим...
Шли от купеческого клуба
На крепкий дом с резным крыльцом,
Сработан нарочито грубо,
Бажов прожил два года в нём.
Гуляли дальше к водокачке
И мимо бань, к воде, к пескам...
Старались выглядеть богаче,

Дать форму бравую усам.
И кавалер, подавши руку,
Вёл даму в лодку через борт.
Её лицо, сплошная скука,
Мол: «Не хочу!». Сама идёт.
Наш «соловей» за вёсла мигом:
«А ну, родная, понеслась».
Какая в сцене той интрига,
Какая горечь или сладость.
Пышма притягивала взгляды,
Закат и в небе, и в воде.
Зачем любовь, зачем наряды,
Зачем слова мои тебе?
Пышма давно уж обмелела,
Влюблённых лодки не несут,
Здесь время песни свои спело,
А люди песен не поют.
Сегодня стали больше слушать,
Не надо смысла, был бы ритм.
«Да нет проблем, разиньте уши,
Как «клёво» всё, и мы - «торчим».

* * *

А мы всё едем по «Сибирской»,
Тогда конечно, не теперь.
В тепле автобуса, без риска,

И холод не пропустит дверь.
Вон дом жилой, за ним лабазы,
Гранитное крыльцо с решёткой,
Что кованым металлом связана,
До нас дошло всё очень чётко.
Притормозили, светофор,
Пока на «красный» встал автобус,
Мы в прошлое свой бросим взор,
Через сотню лет увидеть чтобы.
«Острожной» улицей пойдём,
В горе острог, тюрьма иначе.
Ей, право, время нипочём,
Острог для власти много значит.
«Не зарекайся от сумы»,
Молва народная нас учит,
А ещё больше, «от тюрьмы»,

Тут есть судьба, а есть и случай.
«Острожная», а между тем,
Здесь жили и живут поныне.
Для романиста куча тем,
И от иных, кровь в жилах стынет.
Здесь поколения росли,
Не тяготясь острога рядом,
На праздники в колоннах шли,
Одевшись каждый понарядней.
Всегда здесь был пожарный двор,

Был жилкомхоза век недолог.
И ПТУ с тюрьмой в упор,
Была и фабрика лет сорок.
Давно нет улицы Острожной,
Теперь Урицкого она,
И не ответишь, как так можно,
И кем та тема решена,
Что в адрес вдруг вошёл Урицкий,
Убитый в Питере чекист,
Был из верхушки большевистской,
К тому же, на руку нечист.

* * *

Вот слева вечный долгострой,
На месте гридинского сада
Коль не уверен, так не рой,

И не сноси садов, не надо.
Деревья редкие цвели,
В лесу такие не водились,
Другой, зная, не нашли земли,
И не искали, не трудились...
Наискосок, в «кирпичном стиле»,
Большое здание – знаний клад.
Всегда чему-то здесь учили
Семь поколений тех ребят,
Что стали славой Камышлова,
Носителем его судьбы.
А в сентябре приходят снова
За светом знаний, для борьбы
За место в быстротечном мире,
Отряды юных горожан.
И что бы там не говорили,
Идёт упрямо «караван»
Из лет-открытий первой школы.
Учителя его ведут,
Тернист тот путь, итог весёлый,
Как в руки аттестат дадут.
Ах, школа, школа, нежно - грустно
Храним мы в сердце память лет,

Тебе и письменно, и устно
Из дальних далей шлём привет.
Но отвлекаться я не буду,
«Зелёный», трогаться пора.
А дальше дом, подобный чуду,
В нём жизни чудо – детвора.
Какие флюгеры на башнях,
Фронтон и пояс и карниз,
Всё соразмерно, всё прекрасно
Талант труда, а не каприз.
Открыло земство здесь гимназию,
Мальчишки в форме, выше нос,
Да революция всё «сглазила».
Судьбой другого не дано:
«Пусть всё решит происхождение»,
И не при чём ум иль талант,
Как в сне дурном, как наважденье,
Был умным, будешь арестант.
И гимназисты, большей частью,
Шли за границу иль в расстрел.
О них мы слышали не часто,
Трагический был их удел...

* * *

В век девятнадцатый вернёмся,
Дома, всё разные растут.
Не разгадаем, как не бьёмся,
Зачем так больше не живут?
Что в нашей жизни стало главное?
Прожить, в беспамятство уйти,
Иль сотворить немного славного,
Чтоб в русле общего пути?
По сторонам, в заплатах, трещинах,
В былой красе бегут дома.
Не бережём, то, что завещано,
Дешевле, видишь ли, сломать.
И то сказать, досталось
Даром от «мироедов и купцов».
Как сохранить то, что осталось
Пусть не от дедов и отцов?
Как сохранить приют и церковь,
Прости нас, Михаил Рожнов,
Ты грешен, но грехи те меркнут
На фоне искренних даров.
Какой был городу подарок,
Красив и через сотню лет

Рисунок сандриков и арок,
Железной вязи парапет.
Приютской церкви главный купол
В небесный просится простор.
Но ржавые покрытия «луковок»,
Нам тихо говорят в укор:
«Что ж вы, неважные хозяева,
Не видно разве красоты?
Вы что-то для души теряете
И приземляете мечты».
«Выходит кто, у Педучилища?»
Кондуктор вновь меня вернул
Из мук душевного Чистилища,
А может, просто, я заснул.
От стадиона, в Alma Mater
Потоком двигался студент,
Девчонки в массе, тоже кстати,
Итог российских наших бед.
Засилье женщин в наших школах,
Мужик-учитель, атавизм.
Слепое государство, что ли ?
Иль в руководстве нет Харизм?
Сегодня рубль сэкономим,
Сегодня-лет уж шестьдесят,
А завтра, кто Россию вспомнит?
Нас внуки наши не простят.
Богаты в мире мы не в меру,
Богаты на века вперёд.
Вожди ли потеряли веру,
А может сам в себя народ?
Неблагодарная затея,
Судьбы страны Пророком быть.
Вот мой девиз, его лелею:
«Коль можешь, делай и, не ныть!»

* * *

Гляжу на сквер, он неухоженный,
Как пьяный, повалился клён.
«Нет «Зеленхоза», не положено.

И, чем платить?», привычный стон.
От Маяковской, бишь, Ирбитской,
От сквера, прямо на восток,
Дома не столько уж казистые,
То «Заводская» шла в свой срок.
Чтоб «гегемона», обозначить,
Какой-то «парт», к тому же, «сек.»,
Сказал: «Вот так и не иначе,
Ей «Пролетарской» быть навек.»
Для нас не хуже, «Заводская»,
Она к промзоне нас вела,
Там бойня, кузня, мастерская,
Другие многие дела.
Стоит по левой стороне,
Одноэтажный, крепкий дом.

Бажов, на «новой целине»,
Газету выпускает в нём.
Набивши руку на письме,
Петрович сказки сочинит.
А, что здесь жил, ни «бе», ни «ме».
Нигде о том не говорит.
А мы идём к Большой Подвальной,
Простите, Горького она,
Был вал иль не был, это тайна,
В веках она сохранена.
Направо выйдем к Лесхозмашу
Здесь корпуса в кирпичном стиле,
В них вина, нынешних покраше,

В бочонках, временем крепили.
Потом, с приходом «гегемона»,
Бочонки покидали в пруд,
Чтоб не устраивать разгона,
Тех горожан, что пить придут.
И так скончалась винокурня,
Легенды, правда, говорят,

Что ещё долго были «дурни,»
Сигали в пруд и, что не зря.
Потом здесь были мастерские,
Клепали бороны, плуги,
И даже лодки паровые,
А это вам, не утюги.
Война. Указано заводу:
«Вам мин болванки отливать»,

Их делали четыре года,
Куда ещё «ЗэКа» девать.
Потом и «сель», и «лес» машины,
Рос коллектив, цеха росли,
Живи завод, пора нам кинуть
Взгляд дальше, значит, мы пошли.
И вновь Подвальная, но Малая,
Да, Либкнехт Карл её забрал.
И тему развивать не стану я,
Я раньше всё уже сказал.

Мы дальше вправо к речке двинем,
Кирпичный остов там стоит,
Видны остатки стрелок, линий,
А жизни нет, и всё молчит.
Здесь издавна зерно мололи
На отруби, сорта муки,
Не выгодно им стало, что ли,
Завод прикрыли «знатоки».
Стоят цеха, как стены замка,
Знать, никому-то не нужны.
Крепки ещё, ломать, так танком,
Лишь для истории важны.
Ведёт нас дальше «Заводская»
К старинным зданиям в кожзавод.
А здесь, история такая,
Стал сапоги носить народ.
А для сапог, известно дело,

Нужна же юфть и полувал
Нашлись купцы и взялись смело,
Собрали тех, кто кожи мял.
Приехал, кстати, Алафузов,
Был из татар казанских он,
А с ним и люди, чаны, грузы,
Короче, всем вооружён.
Уж века полтора минуло,
Как заработали цеха.
И как бы время нас не гнуло,
Не в продолжение стиха,
Стал город кожами прославлен,
На ярмарках медали брал.
Неподалёку был поставлен
Гигант завод, да вот, пропал.
Далёко видно мне с маршрута,
Пышма и пойма в ивняке,
Плотина рухнувшая пруда,
Дела, как замки на песке.

* * *

Автобус двигается к центру,
Зашевелился пассажир.
А я прокручиваю ленту
В тот давний город, да и мир.
Уж на «Приходской» наш автобус,

Простите, Ленина она,
Приход взорвали, не до Бога,
Такие были времена.
Теперь мы, вроде бы, проснулись,
Всех вспомнили, кто был до нас,
И коль смогли бы и вернулись,
То взрыва не было б в тот час.
Но мысли эти от Лукавого,
Я докажу, как дважды два;
Шестьсот солдат «сорок кровавого»
Лежат, присыпаны едва.
И спят они в могилах братских,
Не под Москвой, не в Бресте спят,
И здесь не видно вдов солдатских,
И нет имён. Прости, Солдат.
Их имена в известных списках,
Могилы - в нашей же земле.
«Пусть подождут, лежат же близко,
Вот справим праздник и в тепле
Фамилии их тоже впишем,
Да если денег вдруг найдём,
Тогда их имя мир услышит,
А их родным письмо пошлём».
В одной могиле спят эстонцы,
Красноармейцы, не враги.

Одно нас греет с ними солнце,
Одна молитва: «Помоги,
Господь, невинно убиенным».
Их смерть от голода была,
Хотя, не числили их пленными,
И их война уже ждала.
На их могиле, осквернением,
Нет ни фамилий, не имён.
Лежат солдаты, нет сомнения,
Что каждый, памятью казнён.
Зато, как май, так День Победы,
Чем больше лет, тем громче крик.
Не от того ль все наши беды,
Что праздником скрываем «пшик».
Что показным, подменим дело,
Подарим, что-то пропоём,
Лишь в пустяках бываем смелыми,
И на словах, мы всё «могём.»

* * *

Автобус перекрёсток минул,
Вот слева, беспристрастный Суд.
Кругом торговля, есть же стимул,

Хоть говорят: «Налог всё ж, крут.»
Народ и транспорт вперемешку,
Фруктовый ряд, торговый ряд.
Здесь оглядимся и неспешно
В век позапрошлый бросим взгляд,
Наш Камышлов судьбой хранимый,
Забыты улиц имена,
Но всё же память негасимая,
Здесь, в старине, заключена.
Как книгу памяти читаю;
Фамильи, имена купцов.

И по крупицам собираю,
Чтоб рассказать в конце концов,
Об их делах, лихих и славных,
Об их заботах и мечтах.
Они все разные, но главное,
Их сводит вместе Красота.
Вон там Бойцов, а там и Страхов,
А вот и Вайнерт, посмотри.

Домам под сто, и, может, с гаком,
И так ли было всё внутри.
Когда идёте по Торговой,
Вам этот дом не миновать,
Магазин и дом Бойцова
Можно символом назвать
Деятнадцатого века
И купеческой страды.

Здесь сейчас библиотека,
И для здания нет беды.
Там, купца Мещерякова
Был просторный магазин,
А сейчас- владельцы новые,
По-другому вид витрин.
А тогда, толпа валила

За товаром вдоль рядов
И смеялась, и вопила,
Пробираясь меж возов.
Может, я чего придумал,
Да не так нарисовал;
Был и голод, нищих сумы,
В пьянках кто-то пропадал.
Но задор был, да и удаль,
Был капитал и оборот,
Не «гражданин»- кричали, «сударь»,
Не важно кто ты, ты – народ.
Подолы поднимая юбок,
А как же, в улице-то грязь,
И, сделав бантиками губы,
Сударыни искали бязь.

И в кружевах немецких рылись,
Издалека купчина вёз.
Пусть поздно мода подкатила,
Но как же хочется до слёз,
Быть, как в Москве и Петербурге,
Здесь не столичный, всё же «свет».
Купить доху собольей шкурки,
«У вас румян французских нет?»
Здесь были спрос и предложение,
И верный слову договор,
И обоюдным уважением
Торговый обставлялся спор.
Козиритский слева строил,

Городской свой особняк,
Слава Богу, не изгоем
Дом остался, не за так.
Здесь сейчас Пассаж «Покровский».
Жизнь на месте не стоит,
Дальше лавки, «Ковалёвский»,
И красивый, в общем, вид.
Через улицу, направо,
Бывшей фабрики цеха,
Много дел здесь было славных,
Не скажу, чтоб без греха.
Сколько их, девиц-красавиц,
Шили тут судьбу свою,
Голосами, было, славились,
Что ни праздник, то поют.
А до фабрики, стояли
Здесь торговые ряды,
Брали обувь, ткани мяли,
Бормоча из бороды:
«Ты давай-ка нам дешевле,
Цену ты задрал, сосед.»
«Ну, милой, ты бога гневлишь.»
Им кричал торговец вслед.

И крестился на часовню,
Отбивая ей поклон.
Не сердились, спор условный,
Торговаться, то – закон.
Через улицу от фабрики
На углу белёный особняк,
И простые, без декора сандрики,
О вкусе женском говорят.
То, дом купчихи Воронковой,
А рядом магазин её.
Всё переделано по новой,
И это тоже, бытиё.

Вот здесь художники молодые,
Где магазин, там клуб ночной,
И мы, совсем уже другие,
И город наш совсем другой.

* * *

А дальше здание в окнах-арках
Хранилище духовных книг,
Построило его Епархия,
Тут, видишь, сильно спрос возник,
Поскольку прибыли «студисы»

Учиться на духовный чин.
Преподаватели, как водится
И, прочий люд не без причин.
Сейчас оно стоит пустое,
Ни окон в здании, ни дверей,
Но, вроде, в нём чего-то строят,
Восстановили бы скорей.
Вперёд и вправо от издательства,
Фроловскую минуешь лишь,
Я так сказал не в издевательство,
Так улицу назвали «вишь».
Теперь она, конечно, Розина,
Что, Люксембург, ещё звалась,
Опять мешает мне «занозина»,
При чём здесь Розины дела.
На рубеже столетий было,
Чтобы, училище принять,

Учебный корпус возводила
Совсем уж не святая рать.
А стройку принимал Фролов,
Как человек незаурядный,
Он был из тех директоров,
Кто жизнь прожил совсем неспрочно.
Училище «святых» студентов,
Как здание, живо и сейчас.
Глядится, мягко скажем, бедно,
Побиты стены, сник окрас.
Здесь года три Бажов работал,
Родной язык преподавал,
Да не по нраву было что-то,
Так он рабочих «волновал».
Толкал их на войну с царизмом,
Совсем, похоже, плохо жил.
Возможно, верил в «коммунизмы»,
Не сильно, скажем, в меру сил.
Потом здесь были те и эти:
Госпитоля обеих войн,
Дом педучилище приветил,
Война ему сказала: «Вон!»
Сейчас здесь правит хирургия,
Забыв «духовные» дела.
И режут с целями благими,
Больные, бранные тела.
Хозяина же здесь не видно,
А может, просто, временщик.
Красиво здание, что обидно,

Пристрой сгоревший, как старик,
Невнятно шамкающий что-то,
Оскалом закопчённых стен.
Пристрой остался без заботы,
Где жизнь была, всё прах и тлен.
Когда-то здесь, годах в тридцатых
Вовсю звенели голоса,
Шли по утрам сюда ребята,
Девчонки - длинная коса.
Отсюда двинул Черепанов
В Свердловск, в уральский политех.
А жизнь закончилась так рано,
Смерть забирает всё не тех.
Там в Венгрии, между боями,
Он вспоминал свой Камышлов,
Пышму, с Девичьими песками,
И лодку, и в руках весло...
Автобус трогается скоро
Кто ж строил улицу ещё,
Я вспомню наугад которых,
И с них сейчас начну расчёт.
Попов и Кутин и Титов,
Сайфулин, Выборов, Терентьев,
Романов в том ряду купцов,
Их было много и, заметьте,
Что, если бы не их дела,
Дела промышленников тоже,
Судьба б нам шансов не дала,
И забывать нам их негоже.

На запад следуем Торговой,
Московской угол, здесь был дом,
Наличники, обшив тесовый,
Наумовы здесь жили в нём.
Нам ближе всех Андрей Наумов,
Хранитель нашей старины,
Его дела, заботы, думы,
Нам так понятны и важны.
Теперь панельная домина
Забвенья камнем вознеслась,
Что было, в памяти храним мы,
И возратить - не наша власть.
Ряд старых зданий, сад, беседка
И впереди невзрачный дом,
Живущих мало, ходят редко,
А ценность не в красе, в ином.

Здесь, в бывшей трапезной собора,
Бажов жил в первый свой приезд,
Дом был временкой, строен скоро,
Но до сих пор, несёт свой крест.
Какой тут с горки вид открылся,
А мне к автобусу пора,
Читатель тоже притомился,
Отложим книжку до утра.

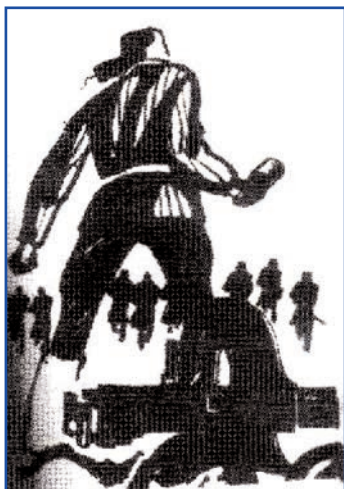
* * *

Вот сквер с парадным обелиском,
Всё вроде так и всё не так.
Не так с другим, немалым списком,

Там тоже люди, не пустяк.
Нет весточки несправедливей:
«Пропал де, без вести солдат».
То ли живой, то ли в могиле,
Герой ли он иль супостат?
И слёзы горькие в подушку
Несчастливых жён и матерей,
И власть имущих им бездушное:
«Ты, шла б отсюда побыстрей,
А ну, как твой служил у немца,
Каких тебе за это дров,
Ни колоска и ни поленца,
Тебя не видно в списке вдов.»
Боюсь, всей правды не узнаем
Второй германской мы войны,
Что нам сказали, повторяем,
И ни на ком уж нет вины
За три десятка миллионов
Людей, тогда ушедших в прах.
За сорок первый без патронов,
За реки крови на полях.
Из года в год победу славим
И маршала, что к ней «привёл».
И смотришь, памятник поставим
На средства городов и сёл.
Из полководцев он остался

В чести, на бронзовом коне.
Его «трёхрядками» устлался
Фронт не один на той войне.
И в сорок пятом, под Берлином,
Он точкой в миллион солдат,
Войну закончил и «по чину»
«Победы» орден вставил в ряд.
Другие потихоньку сникли,
О них всё реже говорят,
И не узнать, а столь велик ли
И их «талант» - губить солдат.
И если вспомнить без прикраса,
В истории примеры есть,
Солдат в России, просто - «мясо».
«Пригоним новых, их не счесть».
Пример, пожалуйста вам -Плевна,
Маньджурия и Финский фронт.
И в Грозном, в бое многодневном,
Парней погибших кто сочтёт?
И в сорок первом, миллионы

Не по желанию в плен пошли,
Плывут, плывут над Русью звоны:
«Прости нас, Господи, прости!»
Пусть кровью вырвана победа,
Пусть боль нас мучит и сейчас,
Кто скажет правильной поэта
О той войне и без прикрас:
«Все были герои, и тот, кто дошёл,
И тот, кто в сражении гибель нашёл,
И тот, кто не выдал, один на один;
Рабочий, крестьянин, солдат, командир».
Так, на солдатском героизме,
На жилорвании в тылу,
Народ победу нёс Отчизне,
Чтоб вновь вернуться в кабалу.
Мне возражают: «А, Суворов,
Ведь он берёт своих солдат,
Да и Кутузов- тактик скорый,
И Скобелев - «болгарский брат?»
Да, есть и были командиры,
Солдаты звали «батей» их,
И слава добрая ходила
Среди бойцов и их родных
О чести наших офицеров:
«Он справедлив, хотя и крут».
Жаль, много всё-таки примеров;
Таких высоко не берут.
И правда-матка не в почёте,
Как было и во все века.
Икар упал, Дедал, в полёте,
И вариантов нет пока.

* * *

Я в старое из жизни новой
Вернулся, памятью воспрям,
Была Советская, Торговой,
Чуть я её не потерял.
Дома стояли там «крутые»,
Всё ж центр, у церкви на виду.

Извивы улицы кривые,
Но дальше прямо я пойду,
Через Тобольскую к Подвальным.
Здесь старину давно снесли,
Было поветрие повальное,
Пятиэтажие пекли.
В народе звали их «хрущобы»,
«Да, тесновата, но своя»,
Дом без излишеств, это чтобы
Страны крепилась ячея.
А то, что серо и убого,
«Ништяк, не बारे, проживём,
Зато бесплатно, как от Бога,
И красота здесь ни при чём».
Все города враз посерели,
Как посерели и дворы,
Сосед соседа знает еле,
И нет площадок детворы.
Аукнется нам серость эта
И экономия на всём.
Панельный дом, «Совка» примета,
Её не скоро изживём.
Не скоро станем мы хозяева
Подъездов, лестниц и дворов,
Всё психология «халяева»:

«На дармовщинку, будь готов!»
В России давний есть обычай,
Решать дела простым путём:
«Сюда прибавим, это вычтем,
Поделим всё иль отберём.
Есть человек и есть проблема,
Нет человека, нет проблем.
Пьют много? Разве это тема?
Введём закон, не будет тем.
А что тонки у дома стены,
Так танки крепкие у нас.
Ракеты слепим мы в три смены,
Потом подумаем о вас».
Народ в великом государстве
Был, как крестьянин крепостной,
Иные пролезали в «барство»
И, даже, правили страной.
А, может просто, так казалось;
Была машина, был и винт,
Винты в машине заменялись,
Обратный путь, увы, закрыт.
Всё в этом мире срок имеет,
Всё устаёт; металл, бетон.
Пятиэтажие стареет,
Нас ждёт ещё проблем вагон.

Дома красивой, старой кладки
Больших проблем не создают.
Лишь содержать бы их в порядке,
И вечный будет в них уют.
Вот Николаевская бывшая,
Был призван править Николай,
И про событие то прослышав,
Решило Земство: «Не зевай!
Дадим мы улице название
Во имя нового царя».
Откуда это в нас желание,
По-русски если говоря,
Подставить власти сразу спину:
«Давай, родная, погоняй».
В веках искали ту причину,
Чтоб душу русскую понять.

* * *

Проходим улицу мы дальше,
Что там за терем теремок,
Как бы резьбою он украшен
Из разных стилей. Кто же мог
Придумать чудо в Камышлове?
Во все века, во всех местах
Есть на природной, знать, основе,
Которой тесно в берегах,
Таланты, чаще, самоуки.

Примеров свежих много здесь,
Кто сад развёл, приложив руки,
А у того цветов не счесть.
Тот мастерит церковей модели,
Чтобы душою отдохнуть.
Открытки, марки, шутка в деле,
Сказал же я всего чуть-чуть.
Их много, ярких и не очень
Что заполняют свой досуг,
Любимым делом, между прочим,
Оно венчает жизни круг.
Холсты, железо, древесина,
Солома, краски, мулинэ,
Кирпич, баян, картон и глина,
Всего не перечислить мне.
Всегда рождала Русь таланты,
Бог этим нас не обделил,
Стоит Царь-пушка, бьют куранты,
У нас на всё достанет сил.
Средь увлечённых Камышлова,
Жил человек, оставив след,
И, вроде, дело-то не новое,
Но и важнее в мире нет.
Строитель был всегда в почёте,
И архитектор был в цене.

А здесь всё вместе и в работе,
То, Фалалеев, «свет в окне»
Он рисовал, считал и строил
Четыре школы для детей.
Такой заказ большого стоил,
И каждый дом не без затей.
На каждом столбики, фронтоны
И ризолит, и парапет.
Решётки, дуги закруглёны,
Большие окна, солнца свет.
Себе построил он в подарок,
Красивый, деревянный дом
Ворота трёх кирпичных арок

И мастерскую на потом.
А нам теперь опять забота,
Всё это надо сохранять:
«Кругом проблемы и работа»,
И, та-та-та, сплошная «мать».
Я мыслю так, не надо гадить,
Где надо руки приложить.
Живём не только денег ради,
И памятью пора бы жить.

* * *

От магазина-остановки
С красивым именем «Цветы»,
Садятся граждане с обновками,

Ведь рынки не минуешь ты.
Здесь центр народного гулянья,
Асфальт и игры детворы,
И фейерверк, и при старании,
Забыться можно до поры.
Забыть житейские невзгоды,
Осенний дождь, худой карман,

И не смотреть на время года:
«Гуляй, я тоже, атаман.»
И в летний тёплый, тихий вечер
Здесь молодёжный междусбой.
Удобно здесь назначить встречу,
А может, встретиться с судьбой.
По праздникам кумач вздымают,
Навек больные «левизной»,
На истукана всё кивают,
Мол, «человечный и живой».
Центр города почти застроен
Налоговая, банк и почта
Ещё чуть-чуть благоустроить,
И будет он отличным, точно.
Не так давно, тому лет двадцать,
Здесь шли колонны дважды в год,
Был повод в праздники собраться,
И ощутить, что мы- народ.

Чтоб, покричав перед трибуной,
Сбежаться после по домам,
Портреты, флаги в кузов сунув,
Вперёд, к вину и пирогам.

* * *

Водитель двери закрывает,
Всего минута и пошёл,
По жизни часто так бывает,
Буто́н раскрылся и отцвёл.
Мы едем вдоль стены кирпичной
И кружевных полотен врат.
Всё строил под контролем личным
Терентьев, не жалея трат.
И вот, усадьба городская,
Где магазин, жильё, склады,
Конюшни, в флигеле «людская»,
Никто не ждал тогда беды.
Про «гегемона» всяк не слышал,
Какой тут, право, «гегемон»,
Напрасно не «вострили лыжи»,
Враз гегемон устроил «шмон».

В усадьбе было то и это,
То клуб, а то, союзпотреб,
И хорошо, что по декрету,
Усадьба встала на «востреб».
ЖУ, а попросту «фазанка»,
Все помещения забрала
И обеспечила «сохранку»
Усадьбе, вот «таки» дела.
Учили здесь на машинистов,
Учили здесь на поваров,
И на дежурных, и связистов,
Потенциальных мастеров.

* * *

«Автовокзал». Выходят многие,
Четыре улицы сошлись.
И нам пора размять уж ноги,
Коли готовы, так пошли.
Куда? Пока вперёд к вокзалу,
По Ленина, в вокзальный сквер.
Когда деревья были малы,
Здесь был фонтан, не то теперь.

А раньше, здесь кончался город,
И «Крайней» улица звалась.
Ко кладбищу тропинка в гору
Извивом-змейкою вилась.
Там наверху блистала церковь,
Она при кладбище была,
Дорога поднималась кверху,
В Ирбит всех за собой звала.
Потом железная дорога
Легла, разрезом всех дорог,
С её явлением город много
Хорошего прибавить смог.
Об этом позже, про «железку»
Главу начну отдельно я,
За церковью, за перелеском
Легла Насоновой земля.
А дальше, дали, дали, дали,
Поля, леса на сотню вёрст,
Где захотели, оставались,
Рубились избы, шёл покос...
Куда ж от города я двинул?
Назад вернулся, церкви нет,
Нет кладбища, стоят домины,

Так прошлого мы гасим свет.
Здесь хоронили изначально,
Здесь поколения легли.
Здесь светло плакали, печально
Покойных во гробах несли.
Кто побогаче, тот могилы
В железо, мрамор одевал.
Что ж, коль хватало денег, силы,
Никто за то не осуждал.
Здесь кучно «поселялись» роды,
Хоть родословную пиши,
Но не нашли земли заводу:
«Да вот же кладбище, круши». «Никто не даст нам избавления,
Ни Бог, ни царь и ни герой»,
Режь по живому, без сомнения:
«Своею собственной рукой!».
Потомкам сами яму рою,
Рвём нити кровные свои.
Злорадно Сатана завоет:
«Да чьи вы есть? Ведь вы, ничьи!»
Отсюда видно три завода
И два посёлка возле них,

Карьерами язвит природа,
В них, правда, глина, не гранит.
Здесь современная страница
Истории моей земли,
А мы должны опять спуститься
Туда, откуда мы пришли.

* * *

Туда, где станция, вокзалы
И где машин водоворот.
Жилья на Крайней было мало,
Стояли лавки у ворот.
Возле бригадного «отеля»
Жилой, штабной поставлен дом,
Здесь в дни приезда был поселен
«Хозяин» стройки и при том,
Сюда сзывались на разборки
Все, кто выигрывал подряд.
Чтоб правильно срывались горки
Чтоб рельсов продвигался ряд.
Чтоб строились склады и бани,
Чтобы красивым был вокзал.
Переполох бывал на Крайней:
«Сам Богданович, вишь, сказал:
«Не заплачу, коль не исправишь!»
Бегу на свой объект, земляк,
Знать, бесполезно тут лукавить,

Не провести его никак».
Шагал полковник вдоль по Крайней:
«А это что, давай чертёж,
Кто ж после вас всё править станет,
Срок вам три дня, потом правёж».
Прорабы рысью разбегались,
Подрядчик гнал работный люд,
Бывало, матерно ругались,
А то и кулаком махнут.
И я бы памятник поставил
Творцу железной колеи,
Кто в Камышлове след оставил
И «песни здесь пропел свои»,
Красивым зданием вокзала
И ровным полотном пути.
Не всё история сказала,
И надо много нам пройти,
И, может быть, попортить крови,
Чтоб власть имущим доказать,
Что он, Евгений Богданович,
Достоин памятником встать.
И пусть, заслуги всех путейцев

Сойдутся в этот символ-знак,
Он нужен нам, как память сердца,
Жизнь - она точно, не пустяк.

* * *

Так лики улицы меняя,
Вторгался в город новый быт.
Уже мы многого не знаем,
Кто жил на Крайней, тот зарыт.
Здесь желдороги было царство,
Её пивные и ларьки, склады,
Конторы. И лекарство
В её аптеке купишь ты.
Работать там престижно было:
«Ты на железной? Вот везёт!».
Девчата больше их любили,
«Домой хоть денег принесёт».
И в Камышловскую элиту,
«Подменники» вошли тогда,
Как дипломат, с «шарманкой» слитый,
Шагают к ждущим поездам.
В «брехаловке» помоют кости
То ли начальству, то ли так,
Куда и с кем ходили в гости,
Нормально в общем, хоть, пустяк.
В пивной-стоячке пили пиво,
После поездки, то закон,
Не в стельку, было б некрасиво,
Чтоб в голове лишь лёгкий звон.
Ещё вагонники, путейцы,
Связисты, да и прочий люд,
Средь горожан как бы, гвардейцы,
Иного и не скажешь тут.
Сто двадцать лет гудит дорога,
Не остановится на час,
И в мирный год, и в год тревоги
Идут составы мимо нас.
А чтоб идти им было гладко,
Что день, что ночь, всё на посту,

Дороги верные «солдаты»,
Проверят каждую версту.
Вокзал наш повидал немало
Людей, событий, горя, слёз.
Что было, уж того не стало,
Унёс с собой всё стук колёс.
Здесь дважды с поезда снимали
«Святого старца» из крестьян,
Его ещё Григорий звали,
Да выпускали: «В «Зимний» зван.»
Полки отсюда отправлялись,

На все фронты известных войн.
Потом с вагонов выгружали
Солдат увечных на перрон.
Проездом как-то Маяковский,
Пока менялся паровоз,
Губастый, стрижен под «Котовского»,
И весь в дыму от папирос,
Писал, бросал, бумажек груды,
Забыв, что надо пить и есть:
«Я знаю, город будет,
Я знаю, саду цвезть...».
Он весь ещё в Кузбассе,
Он в атмосфере встреч.
«Какой народ прекрасный,
Как может он зажечь!»
Не знал, что жить осталось,
В остатке нет годов,
Поэта жизни малость
Пришлась на Камышлов.
В тридцатом был здесь Сталин

Телеграфировал в Москву:
Был скромн, как-то не оставил
Ни слова в местную молву.
И поезд Брежнева, как тайна,
Неподалёку ночевал.
Секрет был полный, чтоб случайно,

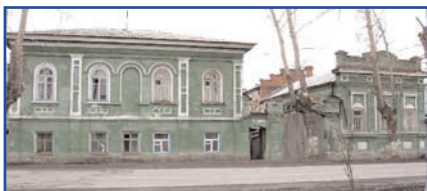
Никто генсека не украл.
Легенд вокзальных, право, много,
На то, он видно есть - Вокзал,
У их величества - Дороги,
И с ними всяк судьбу связал.

* * *

Стекло немного зопотело,
Протёр, на Куйбышева мы.
Иль на Свердлова, что за дело?
Такой здесь угол, словно мыс.
Здесь Шиповаловской с Бульварной
Судьба задумала «сходняк».
А к ним Приходская и Крайняя
Сошлись как будто, просто так.
«Бульварная», понятно сразу,
Что там бульвар подальше есть.
«Приходская», тут видно глазом,
Есть церковь, ей почёт и честь.
Ну, «Крайняя», да, просто, с краю,
Край жизни, поселения край.
Вот «Шиповаловской», не знаю
Сего созвучья, хоть терзай.
А улица, длины немало,
От Камышловки до моста.
Её пройти, возьмёт усталость,
Коль есть преклонные лета.
По улице потоком движет
Автомобиль со всех сторон.
Тюмень, Ирбит, с Кургана - тише,
Тут точно, не лови ворон.
«Свердлова» ныне, то известно,
Мы лет на сто назад уйдём.
На Шиповаловской не тесно,
Промчит пролётка, дальше ждём.
На улице не скучно было,
Тут к речке горка, рай зимой,
В жару, нам улица пылила,
Не так уж часто, Боже мой.

Я обращаюсь к Новожиловой
К стихам- картинкам той поры,
Так сочно, образно и живо,
Легко она могла творить.
И вам, поэты современные,
Есть поучиться тут чему.
Я не скажу, что всё - нетленное,
Но, можно близиться к нему.
Не мог живые зарисовки
Оставить без внимания я.
Здесь нет бравады иль рисовки,
А просто, слепок бытия:
«Идёт мороженщик с тележкой,
Везёт свой ароматный груз
На радость детворе прилежной,
Сам улыбается лишь в ус.
Татарин маленького роста-
И на руке, в его корзине
С копчёной рыбой, так же просто,
Лежат лимоны, апельсины.»
Вы скажете: «Что же здесь такого,
Так каждый может написать?»
Вот вам ещё отрывок новый,
Дай бог, вам сценку срисовать:
«Зима. На масленице также
Катанье быстрое всегда,
И обогнать стремится каждый
Хоть раз соседа. Не беда,
Что, может, санки неказисты,
Что лошадь не бойка на бег,
Звенел бы воздух, да искристый
В лицо летел пушистый снег.»
Так здесь росли, любили, жили,
И уходили в мир иной,
При этом строили, сносили,
О смерти думай - крышу крой.
Здесь издавна селились власти,
Чиновный и учёный люд,
Какие здесь кипели страсти:

«Чем крепче любят, крепче бьют.»
А мы, от улицы Московской
По Шиповаловской пойдём,
Вот справа дом и флигель броский,
Воротный арочный проём.
Учителя здесь мирно жили,
Духовных и мирских наук,
Кто спасся, а кого, убили,
Так завершился жизни круг.

Дом обживали дальше ЧОНЫ,
Навроде, боевых дружин,
Слегка марксизму научёны,
Зато готовы, как один,
Карать винтовкой «мироедов»,
Опять же, «классовых врагов».
Горячи были непоседы,
Всему-то верили со слов.
Налево, через перекрёсток
Встал как картинка особняк,
Красив, построен он непросто,

И то сказать, что не за так,
Его себе построил Зонов
Купец удачлив и умён.
Теперь, мы слышим дома стоны.
Кто позаботится о нём?
Как жить на средства городские?
Глянь, рухлядь водосточных труб,
Водоотводы никакие,
Заброшен дом, и всё ж, не труп.
А справа сквер, сирень, дорожки,
Скамеек остовы стоят,
Сидений нет, остались ножки,
От рук дубинушек-ребят.
Они же наши, «идиотики»,
Крушат, ломают, «спасу нет»,
Свои открыв помойки-ротики,
Мат изрыгают на весь свет.
И, что обидно, не сироты
Ребятки те, в конце концов,
Но никакой видать работы
Не делали они с отцом.
Когда родитель на диване,
У «ящика» проводит день,
Уходит сын, при всём старании,
Под скучного безделья сень.
И вот «тусуются» ребята,
Сначала курят, пиво пьют,
Потом известно, как волчата,
Идут по следу, грабят, бьют.
И сколько их сидят по зонам,
За пакость рук, тоску души.
Кто им покажет горизонты,
Где можно с совестью дружить?
Одни слова и нет ответа,
Судьбы пути не изменить,
Держать ответ придётся где-то,
А здесь, только себя бранить.
На перекрёстке у Осторожной
Истории крутой замес.

Здесь не спешим и осторожно,
Внимательно глядим окрест.
Вот здесь, в четырнадцатом годе
Управа бодро поднялась,
Библиотеку выгнав в роде,

И та к острогу подалась.
Здесь были съезды и собрания,
И был горком, и исполком,
Менялись титулы и звания,

И цвет знамён на здании том.
Здесь председатели и главы
Служили граду в мере сил.
Была та служба не за славу,
Никто награды не просил.

А место, право интересное,
На перекрёстке в трёх домах,
Где городская, где уездная,
Конечно, в разных временах,
Конторы поселялись властные.
Кто и когда их возглавлял,
В сухие дни и дни ненастные?
Я годы днями так назвал.
Был Олесов, Скачков, Бажов,
Сысков, Андреев и Пермикин,
А до него ещё Старков,
Дела их ждут отдельной книги.
Есть много нынче земляков,
Наташ, и Костей, и Марин,
Кто назовёт, «без дураков»,
Кем был Белканов и Чигрин.
Горланова быть может вспомнит,
Сравнив былые времена.
Легко на светлом видеть тёмное.
А кто же сеял семена?
Кто затевал, благоустраивал,
Сжимал в бессилье кулаки?
И шёл вперёд, в борьбе истаивал,
И знал, помогут земляки.
За перекрёстком здание первое

Управы, там Военкомат.
Порядок в здании, как в резерве,
И всё на месте, в аккурат.
Жил с семьёй здесь городничий,
Переехал в дом другой.
Этот, Почте стал приличный
И Управе приземской.
Сорок с лишним лет трудилось
Земство здесь на благо всех.
Что ж, неплохо получилось,
А, что нет, то малый грех.
Мы под горку покатались,
Много каменных домов.
Там вон, ясли разместились,
Слева садик, будь здоров.
Как спасибо тут не скажешь
«Мироедам», суть, купцам,
Их пинком под зад «уважили»,
Что ребёнка, что отца.
И не надо строить заново:
«На, народ, молись на нас».
А народ, как у Хазанова:
«Одобрям!», Советы, вас».
Нынче садики закрыли,
Здания-сироты стоят.

«Покупайте, ты ли, вы ли,
И спасайте», - говорят.
Вот домина, как цветочек,
Здесь ныне службы ОВД.
Была усадьба между прочим,
Купца с семьёю и тэ дэ.
Ту Лебедев усадьбу ставил,
Красиво жить не запретишь.
Он много городу оставил,

Ему же город, целый «шиш».
Тогда такие были ставки,
В «расход» пускали просто так.
Бросали всё; дома и лавки,
Жизнь, это всё же не пятак.
За Маяковской, бишь, Ирбитской,
Где нынче магазинов ряд,
Жил люд нам по идее, близкий,
Про «малый бизнес» все твердят.
Здесь одевали, обували,
Жильё, работа, всё в одном,
Блюли «посты», крестясь зевали,
А в праздник, песни и вино.
Вот циркульные окна в доме,
И дом сей памятен вдвойне,
Когда-то здесь и нигде кроме,

Узнали люди о «кине».
Кинотеатр с названием «Чудо»
Открыл Сметанин-часовщик.
С кино не расстаются люди,
Ни молодой и ни старик.
Кино в семнадцатом прикрыли,
Был большевистский комитет,
Махрой все стены прокоптили,

Махра примета этих лет.
А после, СЭС тут мирно жили,
Удобств немного, зато центр,
Потом и СЭСы уходили
И здание-судно дало крен.
Но утонуть ему не дали,
Тут дом хозяина обрёл,
Металлом крышу одевали,
Да и пристрой его подпёр.
Так вникнешь, судьбы человечьи
Имеют здания, всяк свою.
И у кого послабже «плечи»,
Те гибнут раньше, как в бою.
Направо корпуса- Дом связи,
То нервный центр дорожных служб.
Стояли здесь дома, и грязи
Хватали полы длинных шуб.

* * *

Вот перед школой дом особый,
Не в умиление, чтоб слеза,
Рисунок прост, не скажешь чтобы,
Он сразу бросился в глаза.
Купец Скачков его построил,
Навес, крыльцо, уютный двор.
Тут «гегемон» нахмурил брови,
Купца не слышно до сих пор.
Скачков был в городе известен,
Умел найти ко всем подход,
Из тех времён доходят вести,
Что уважал его народ.
А дом музею пригодился,
Решила власть: «Нужон музей».
Он был и раньше, да закрылся,
Прикрыли махом, без затей.
Потом поветрие сменилось,
О старине молва пошла,
И прошлое вдруг стало милым.
Бывают странные дела.
Потом случился некий «случай»,
Вдруг чехи стали ездить к нам.
То власти думали, так лучше,
Из Карловарска в наш «бедлам».

«У вас, мол, тоже есть Минводы,
Ну там, два клуба и музей,
Да «потаскайте» по заводам,
И, «тёплый» вечер для друзей».
Пришлось открыть в музее «зало»
Советско-чешской «прателстви».
И «зало» заполняться стало,
Стеклом, фарфором, что везли.
Мы, кстати, тоже их учили,
Как в коммунизм быстрее дойти.

И всё ж, видать не убедили,
И разошлись наши пути.
Осталась улица в два дома,
Остались вазы из стекла,
И имена, тогда знакомых,
Из града на реке Тепла.
Музей же рос, уж тесно стало,
Тут крыша стала протекать.
Администрация решала:
«Музеею надо уезжать».
Нашлось и здание вскоре, кстати,
Из Фалалеевских затей,
И Власть сказала: «Ну-тес, на-тес,
Въезжай и царствуй здесь, Музей!»

Похоже, тут музей на месте,
Просторно здание, да и двор.
Рад за него, без всякой лести,
Какой ещё тут разговор.

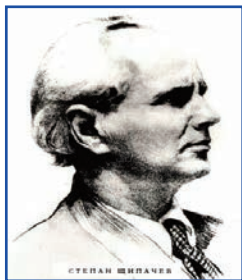
* * *

Мимо старинного забора,
С затейливым таким проёмом,
Смогли мы оказаться скоро
У здания школы, тож не новом.
Ему полста уже случилось,
А школа старше раза в два.
Давно тогда Желдор открыла
Для тех, кто водит поезда,
На каждой станции по школе.
Чтоб детвора училась в них,
Тогда была такая воля,

Своё иметь и для своих.
Полста восьмая всем известна,
О Камышлове речь веду.
Учиться в школе было лестно,
Престижно, как бы на виду.
Выпускников уж тысяч восемь
Ушли из школы в жизни свет,
И если в годы взгляд свой бросим,
Везде увидим школы след.
Вот он, хозяин Камышлова,
Когда-то бывший ученик,
Он город свой, а значит новый,
В душе рождает в каждый миг.
Продавец, фарфорист и учитель
Машинист, почтальон и юрист,
И бухгалтер, станочник, строитель,
Парикмахер и юный артист.
Или внутренних дел он работник,
Комерсант ли из новой волны,
Он земляк, кого дело заботит,
И дела эти очень важны.
Есть ещё один дом неприметный,
Деревянен, не очень высок,
И не столько сегодня известный,
Есть, наверно, известности срок.
Перекрёсток минуем и дальше,
Мимо Автовокзала, вперёд,
Он нам дорог, скажу я без фальши,

Юность здесь Щипачёва живёт.
В этом доме, у дяди племянник,
Он прожил свои несколько лет.
И потом приезжал, всё же тянёт,
То, что в жизни оставило след:
«В том городе в стужу и зной-
все улочки были исхожены мной.
Поди и сейчас - по-ребячьи легки-
он всё ещё помнит мои шаги».

* * *

Идёт автобус по Бульварной,
Направо лавки, сервисбыт,
Здесь много было чего славного,
Да список в суете забыт.
Жизнь коротка, как не раскладывай,
К тому ж, «эпоха перемен»,
На день вперёд всего загадывай,
Смоги на год, коль «супермен».
Торговый центр Райпо проехали,
Стоит, как вежа прошлых дней,
А дальше избы с крышей-стрехою,
Дорога, переезд на ней.
И вот, автобус на «Рабочей»,
Здесь старый город завершён.
А сердце оглянуться хочет
На путь, который был пройдён.
Лишь семь минут я был в дороге,

Не «из варяг», конечно, «в греки».
Не те масштабы, меньше сроки,
За семь минут, прошли три века.
Я ехал-жил среди людей,
Приветственно кивал знакомым,
Живём мы просто, без затей,
Возможно, где-то экономим.
Была бы щедрой доброта,
Все мы друг другу не чужие,
Пусть минет сердце слепота,
Пока мы в силах и живые.
Мы можем разойтись в толпе,
В автобусе проедем рядом,
Все земляки мы по судьбе,
А город даден нам наградой.
Пока мы есть, он тоже будет,
Пока мы любим, он любим,
И в суете промозглых буден
Никак его не предадим.
Выхожу я: «Спасибо, автобус»,
Из двери открывается даль,
Для кого-то, лишь точка на глобусе,
Для меня, этот город, как вальс:
«Дни пролетают, проходят лета,
Город зимой ослепительно белый,
В мае одетый сиренью несмелой,
Пусть не погаснет твоя красота».

1668 - 2008

Темы-приложения к поэме

У безымянной могилы

Вот на пригорке, от церкви в сторонке,
Сник над могилой простой обелиск.
Так ли уж важно, кто там захоронен,
Наш ли «беляк» или наш же- чекист?
Нас разделили на «белых» и «красных»,
В общем-то, бывший единый народ.
И между нами, не столько уж разными,
Пропастью лёг восемнадцатый год.
Пропасть прошла через все поколенья,
Разум и душу смертельно задев.
Нет, по истокам, кровавей явленья -
Классово-лютый, неправедный гнев.
Брат ли на брата, отец ли на сына,
Пытки, расстрелы с любой стороны.
В старых могилах беспамятно стынут
Жертвы-герои Гражданской Войны.

Дом на Торговой

Нам по улице Торговой
Этот дом не миновать,
Магазин и дом Бойцова
Можно символом назвать
Девятнадцатого века
И купеческой страды.
Говорят, что время, лекарь,
И, что вечной нет беды.
Говорят краса-спаситель,
Мир души стоит на сем.
Если так, то здесь обитель
Тех, кто хочет быть спасен.
Здесь царит библиотека,
Ее дружный коллектив,
Для художников опека
И душевных сил прилив.
Здесь горит свеча поэтов,
Светит строчками стихов,
Я люблю его за это,

И сказать о том готов
Среди улицы Торговой,
На весь город Камышлов,
Но, вас любят очень многие,
Я ж боюсь затёртых слов.
Вновь войду в красу старинную,
Приоткрою тихо дверь,
Звук рояля, вальс, гостиная,
Сердцу близкая теперь.
Дом живой, пока он нужен,
Пока есть кому служить,
Коллектив - пока он дружен,
Пока есть чем дорожить.
Пусть продлится к славе дружество
Дома, милых женщин в нем,
Пусть здесь чаще в вальсе кружатся
Иль стихи, свеча с огнем.
Иль пейзажи камышловские,
Чарование сердец,
Круг пластинки, глас Козловского,
О любви поет певец.
Каждый день дом в чем-то новый,
Что-то делает, живет,
Дом старинный на Торговой,
В нем с изюминкой народ.
Жизнь негромкая, но яркая,
С перспективой на года.
В этом доме есть хозяйка,
Что душою молода.
Есть Татьяна свет Матвеевна,
Генератор добрых дел.
Я б назвал её, Затеевна
И желать бы всем хотел,
Обладать её способностью,
Привлекать к себе людей,
А за этим, снова новости,
И опять букет идей.
Атмосфера очень добрая,
Отдыхаешь здесь душой.
Здесь богатство мира собрано,
Кто пришёл, тот не чужой.

Признательный вальс

Утро встаёт над спокойной Пышмой,
Город наполнился розовым светом,
Я, ожиданием встречи согретый,
Вновь в Камышлов возвращаюсь домой – 2р

*припев: Я с тобой, Камышлов, город мой,
Моё детство и юность, и зрелость.
Я всегда возвращаюсь домой,
Чтоб тобой моё сердце согрелось.*

Здравствуй, Насоново, и, Бараба,
И любопытная, Закамышловка,
Вы, светофоры, и вы, остановки,
Здесь моё счастье, моя здесь судьба. –2р

припев:

Та же вокруг суета по утрам,
Солнце встаёт, отражаясь в витринах.
Гордость Торговой, её магазины,
Их старина хороша без реклам. – 2р

припев:

Дни пролетают, проходят лета,
Город зимой ослепительно белый,
В мае одетый сиренью несмелой,
Пусть не погаснет твоя красота. –2р

припев:

Путеводитель по поэме

Автовокзал	49
Администрация города и района	61
Аллея «Победы»	39
Военкомат	64
Железнодорожный вокзал	54
Заводская улица (Пролетарская)	24
Инженер Богданович Е.В.	52
Краеведческий музей	66
Набережная улица (Кирова)	13
ОВД	64
Остановка «Рабочая»	70
Острожная улица (Урицкого)	18
Педколледж	22
Приходская улица (Ленина)	46
Покровский собор	4
Сибирская улица (Энгельса)	9
Торговая улица (К. Маркса)	29
Улица Розы Люксенбург	35
Шиповаловская улица (Свердлова)	57
Школа №1	20
Школа №58	68
Щипачев С.П.	70

Петрушко, А.М.

За семь минут прошли три века. Поэма-экскурс. / А.М.Петрушко; комп. вёрстка А. Петрушко; фото А. Петрушко, В. Сысюка и др.- Камышлов: централизованная библиотечная система, 2010.- 76 с.
